

стиндустриального общества, но и позволяет задействовать сетевые механизмы. В настоящее время уже существуют виртуальные университеты, имеющие право выдавать легитимные дипломы и “работающие” посредством технологий Internet с очень большим количеством желающих. К сожалению, для подготовки кадров в сфере культуры, эта технология пока еще не нашла широкого распространения даже в “продвинутой” Западной Европе.

В связи с этим, использование новых технологий приобретает ещё и социальное звучание, поскольку служит своеобразным способом воздействия. Так, реальное решение проблемы предоставления равного доступа к образованию для всех районов Белоруссии возможно на основе развития современной системы дистанционного образования, которое явилось бы ответом на провозглашение постиндустриальных ценностей в развитых странах.

На основании этих рассуждений я могу сделать вывод, что культурно-образовательные технологии оказываются и в качестве координатора (если используются как способ-воздействия на что-либо), и в качестве координируемого (если они подвергаются модернизации) большинства процессов, происходящих в сфере культуры. Однако в любом случае, они приводят к “оживлению” общества и, можно сказать с небольшим преувеличением, способствуют разрешению проблем в сфере культуры, в том числе, и с подготовкой кадров.

Морозов И.В.

КУЛЬТУРА: ПОЗНАЮ САМОЕ СЕБЯ

Обилие определений Культуры – вполне закономерное сегодня явление, сопутствующее становлению культурологии. По сути же, это наша рефлексия бытия, самопонимание Культуры как события человека-в-мире. Отсюда проблема понимания – актуальная современная парадигма, плод нашего насущного желания разобраться в нынешних опасных противоречиях и кризисных явлениях, в нештучной «распре» между Культурой и Цивилизацией. Ибо «новый человек вступает в новый мир. Нам крайне важно уяснить себе суть этого кризиса и этого вхождения» (Ортега-и-Гассет).

Иначе говоря, мы, творцы и носители Культуры, пытаемся ответить на вопрос: почему мы живем именно в таком мире, в котором живем? А что таит в себе «новый мир»?

Однако понимать можно лишь то, что имеет смысл. Но имеет ли смысл Культура? Мы не ответим здесь утвердительно, если посмотрим на нее с сугубо аксиологической точки зрения, ибо все негативное, антигуманное, что есть в нашей жизни – также присушность Культуры. Она - совокупность всех наших замыслов и поступков, и отношений - от простейших ощущений и фиксации до самых совершенных произведений искусства, метафизических воззрений, мистических образов и «порывов души». Здесь много иррационального, субъективного, что исключает, естественно, полную объективизацию, логическое объяснение и единственную оценку.

В целом даже с философской точки зрения не раскрывается вся панорама Культуры. Поскольку этому претит имманентное для философии противопоставление: «материя – дух», «бытие – сознание», «субъект – объект». (По инерции это привело в культурологию полярности «материальной» и «духовных» культур, «человека» и «природы»). Самопостигающая Культура априори должна исходить, как бы сказал Н.Бердяев, из телодуховности Человека как главного артефакта, креатуры Культуры. Причем со всеми его национальными и личностными, в том числе и философическими «странностями». Культурология в этой связи *может* стать метафилософией, философией «философии жизни». Но обязательно творческой жизни, беспрестанно проискивающей «объективную истину», которая «есть не больше и не меньше, чем наилучшая идея, которую мы принимаем на текущий момент для объяснения того, что происходит» (Р. Рорти).

При этом момент надо понимать не в хронологическом, а в содержательно-событийном плане, что одновременно обнаруживает и предпосылки, и последствия, а также возможности, то есть то, как могло бы быть. Как известно, этого сослагательного наклонения не приемлет историческая наука, тяготеющая именно к фактологической хронологизации и стремящаяся кроткую бабочку творческого духа приколоть булавкой к формалиновой шкале обезличенного времени.

Словом, самопостижение Культуры также невозможно на стезях традиционной истории, ведь человек, по Ницше, «только переход». То есть судить о нем нельзя лишь по следам-артефактам, более любопытны его внутренние стремления, потенции, возможности. Пусть даже они кажутся и нереализуемыми в принципе, но зато обнаруживают ментальную тенденцию, которая, не исключено, образует традицию, «форматированную» Культуру. «Мир – всегда тенденция, а не закон. Это Еще-Не-Бытие» (Э.Блох), где нельзя не видеть, не принимать в расчет возможности и даже «возможности возможностей» (Н. Аббань-

яно). Это может означать лишь то, что «ныне» гармонично вбирает «до» и «после», что «прошлое было есть сегодня. Что сейчас есть сейчас, то завтра будет, как сейчас было быть вчера» (Д. Джойс).

Под «ныне» можно усмотреть некий Путь (целокупность «пройденного» и «предстоящего»), метафорическим синонимом которого во всех языках мы имеем Жизнь. «Я есть путь, и истина, и жизнь» (Иисус Христос). Значит, если мы возьмем жизнь не отдельного человека, не одного поколения, а многотысячелетнее бытие Человечества, то обретаем ключ к пониманию общечеловеческой судьбы-истории. «Уже на своем первичном, простейшем уровне история есть герменевтика, то есть интерпретация, что означает включение каждого отдельного факта, события в органическую структуру жизни, жизненной системы» (Ортега-и-Гассет).

Так, по крайней мере, мы мыслим, как бы направляя мысль по оптимальному, как нам кажется, Пути. «В мысли неизменен путь. И пути мысли хранят в себе то таинственное, что мы можем проходить их вперед и назад» (Хайдеггер). Что всякая внятная мысль онтологически и генетически сродни пути, отчего и являет себя аналогичным (речевым) трехчленом: исходный, отправной денотат (существительное) реферативное, предикативное действие (глагол) – цель, итог, по направлению или во имя которого осуществляется это самое действие (существительное). словно мы торим судьбный маршрут от Места к Месту, словно связываем их нашей целснаправленной мыслью.

Такое сугубо культурологическое воззрение дарует не только метафорический, художественный, но и принципиальный гносеологический подход, усматривающий Культуру как текст (лат. связность) с последовательно развивающимся сюжетом как переходом из одного состояния в другое. Иначе говоря, есть Путь и подспудный выбор направления, где сознание определяет бытие, а не наоборот. Незнание, потеря этого направления и породило то, что называют «страхом истории». В то же время «направленность (sens) эволюции доказывает, что у нее есть смысл (sens)». (П.Т. де Шарден).

Тем не менее, смысл имеет, лучше сказать, обретает лишь то, что вовлечено в сферу понимания, то есть осуществляется посредством языка. Отсюда методологическая посылка: Культура – лингвистическое явление; в нем мы вновь усматриваем речевой трехчлен, а, по сути, все тот же Путь: Место-Переход-Место. Или герменевтическую инверсию формулы К.Ясперса: Предыстория-История-Мировая история, где История действительно выступает как Переход, преисполненный «возможностями» и «тенденциями». Шаг к шагу, век к веку мы

пишем-торим ее как увлекательную сагу, словно преодолеваем выбранный Путь, всесторонняя рефлексия которого и есть, должна стать предметом культурологии, видящей в прошлом достояния, а будущем возможности.

Более того, культурологический путь-текст выказывает свои *грамматические* и *стилистические* закономерности и самобытность. Именно они объясняют квазициклическую смену периодов «удержания» и «продвижения», «интраверсивности» и «экстраверсивности», которые в иной, сугубо, как оказывается, формальной, интерпретации выдаются «регрессом» и «прогрессом». И они дают возможность понять феномен культурной инаковости различных эпох и цивилизаций, а также проследить, каким образом культурное движение-изречение семантически увязывает истоки, нынешнее и грядущее на Пути самопонимания Культуры.

Никифорова А.Н.

СИМВОЛИКА СМЕРТИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ: ВОПРОСЫ КАНОНАЦИИ

Причины появления темы смерти в изобразительном искусстве Северного Возрождения напрямую связаны с историческими, социальными и мировоззренческими особенностями данной эпохи.

Из истории мы хорошо знаем, сколько зловещих сцен разыгрывалось в странах северной Европы: расправа Карла I над Гентом, массовые сожжения анабаптистов, каждодневные казни и убийства. На площадях изо дня в день воздвигались плахи и виселицы.

Художественная культура Северного Возрождения была порождением средних веков, наследие которых отразилось в католицизме. Но на протяжении целого столетия (XV в.) здесь накапливалось возмущение и ненависть к папской курии и духовенству. И если во Франции движение Реформации потерпело крах, и страна осталась католической, то в Германии и Нидерландах оно вылилось в революционные события.

Тема смерти приобретала особую актуальность в связи с кризисным моментом в жизни человека: чума, мор, войны, предчувствие конца света. Она имела основания в эпоху, когда в северных странах кипела беспокойная жизнь с религиозными кризисами, сословными раздорами, с раскатами Крестьянской войны. Жизнь была как в кошмарном